

Метод Фрейда

Зигмунд Фрейд
Эрих Фромм

Природа любви

Эрих Фромм

Природа любви

«Алгоритм»

УДК 159.964.2
ББК 88.6

Фромм Э.

Природа любви / Э. Фромм — «Алгоритм»,

ISBN 978-5-907024-06-9

Зигмунд Фрейд, австрийский психоаналитик, основатель психоанализа, считал сексуальные мотивы и любовное влечение определяющими характер каждого конкретного человека; в своих трудах он уделял этим аспектам главное внимание. Эрих Фромм, немецкий психолог и психоаналитик, был одним из основателей неотрейдизма. С точки зрения Фромма, сексуальные влечения следует рассматривать не сами по себе, но во всей целостности, включая этические нормы любви. В этом Фромм развивал и дополнял теорию Фрейда, перенося акцент с биологических мотивов человеческого поведения в психоанализе на социальные факторы. В данной книге собраны наиболее значительные работы Зигмунда Фрейда и Эриха Фромма о природе любви.

УДК 159.964.2

ББК 88.6

ISBN 978-5-907024-06-9

© Фромм Э.

© Алгоритм

Содержание

Теория либидо[1]	5
Эдипов комплекс	5
О происхождении сексуальных извращений	10
Сексуальные отклонения	25
Теория либидо	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Зигмунд Фрейд, Эрих Фромм Природа любви

Теория либидо¹ Зигмунд Фрейд

Эдипов комплекс

Исследуя первые психические образования сексуальной жизни у ребенка, мы берем обычно в качестве объекта ребенка мужского пола, маленького мальчика. Мы полагали, что у маленькой девочки дело должно обстоять аналогичным образом, но все же как-то иначе. В каком пункте развития следует искать этой разницы – это с определенностью установлено не было.

Ситуация эдипова комплекса является первым этапом, который мы с уверенностью распознаем у мальчика. Он нам легко понятен, так как в нем мальчик фиксируется на том самом объекте, к которому он в предшествующих периодах младенчества и ухода был уже привязан с помощью своего либидо, не имевшего еще генитального характера. Тот факт, что он учитывает при этом личность отца, как стоящего на его пути соперника, которого он хочет устранить и место которого он хочет занять, вытекает непосредственно из реальных соотношений. Эдиповская установка мальчика относится к фаллической фазе и погибает вследствие страха кастрации, т. е. вследствие нарцисстического отношения к гениталиям. Трудность понимания вытекает из того усложняющего обстоятельства, что самый эдипов комплекс у мальчика имеет двоякую установку, активную и пассивную, соответственно бисексуальному расположению. Мальчик хочет также заменить отцу в качестве любовного объекта мать; мы называем это женственной установкой.

Относительно доисторического периода эдипова комплекса у мальчика нам еще далеко не все ясно. Мы знаем из него идентификацию с отцом, связанную с нежными побуждениями и лишенную еще характера соперничества в отношении к матери. Другим элементом этого предшествующего периода является, по моему мнению, не отсутствующая ни в одном случае мастурбаторная манипуляция с гениталиями, онанизм в раннем детстве; более или менее насильственное подавление его со стороны воспитателей активизирует кастрационный комплекс. Мы предполагаем, что этот онанизм связан с эдиповым комплексом и означает отреагирование его сексуального возбуждения. Неизвестно, берет ли он свое начало в этих соотношениях или же он возникает самопроизвольно, как деятельность, связанная с определенными органами, и лишь впоследствии присоединяется к эдипову комплексу; вторая возможность является гораздо более вероятной. Возникает еще вопрос о роли ночного недержания мочи и об отвыкании от этого вследствие вмешательства воспитания. Мы предпочитаем простой синтез, согласно которому ночное недержание мочи является результатом онанизма, а подавление его оценивается мальчиком как торможение его генитальной деятельности, т. е. в смысле угрозы кастрации; но неизвестно, будем ли мы правы в каждом отдельном случае. Наконец, анализ дает нам возможность смутно узнать о том, что подслушивание коитуса между родителями в

¹ Из произведений З. Фрейда «Психопатология обыденной жизни», «К теории полового влечения», «“Ребенка бьют” – к вопросу о происхождении сексуальных извращений», «О нарцизме», «Некоторые психические следствия анатомического различия полов», «Несколько замечаний по поводу понятия “бессознательное”», «Массовая психология и анализ человеческого “Я”», «“Я” и “Оно”»,

очень раннем детском возрасте может вызвать первое сексуальное возбуждение и стать в силу своего последующего влияния исходным пунктом для всего сексуального развития. Онанизм, равно как и обе установки эдипова комплекса, присоединяется впоследствии к получающемуся в результате подслушивания впечатлению. Однако мы не можем предположить, что такое подслушивание коитуса имеет всегда место, и сталкиваемся здесь с проблемой «первофантазий». Если, таким образом, в доисторическом периоде эдипова комплекса у мальчика есть так много невыясненного, то следует проверить и решить, всегда ли существует один и тот же путь и не приводят ли самые различные предварительные стадии к центральному пункту одной и той же конечной ситуации.

* * *

Эдипов комплекс маленькой девочки скрывает в себе проблему глубже, чем эдипов комплекс мальчика. Первоначально мать являлась для обоих первым объектом; мы не должны удивляться, если мальчик сохраняет этот объект и в эдиповом комплексе. Но каким образом девочка отказывается от него и выбирает в качестве объекта отца? При разрешении этого вопроса я имел возможность установить некоторые положения, которые могут пролить свет именно на доисторический период эдиповского соотношения у девочки.

Каждый аналитик имел возможность изучить женщин, которые с особой интенсивностью и упорством сохраняли свою привязанность к отцу и желание получить от отца ребенка, — желание, в котором эта привязанность получила свое высшее выражение. Можно с полным основанием предположить, что это фантастическое желание было также и движущей силой их инфантильного онанизма, и тогда легко получается такое впечатление, что мы находимся здесь перед элементарным, не поддающимся дальнейшему разложению фактом детской сексуальной жизни. Однако подробный анализ этих именно случаев показывает нечто другое, а именно, что эдипов комплекс имеет в данном случае долгий доисторический период и является до некоторой степени вторичным образованием.

По замечанию старого детского врача Линднера, ребенок открывает доставляющую удовольствие генитальную зону — пенис или клитор — во время сладострастного сосания. Я хочу оставить открытым вопрос о том, действительно ли ребенок пользуется этим новоприобретенным источником удовольствия для замены недавно потерянной материнской груди, на что могут указывать позднейшие фантазии. Короче говоря, генитальная зона когда-нибудь открывается, и у нас нет, по-видимому, никакого основания подвести первые манипуляции с ней под психическое содержание. Однако ближайшим моментом в начинающейся таким образом фаллической фазе является не связь этого онанизма с объектными привязанностями эдипова комплекса, а чреватое тяжелыми последствиями открытие, выпадающее на долю маленькой девочки. Она случайно обнаруживает большой, легко заметный пенис у брата или сверстника, распознает его как преувеличенный аналог своего собственного маленького и скрытого органа, и ею овладевает зависть к пенису.

Интересна противоположность в поведении обоих полов: в аналогичном случае, когда маленький мальчик впервые видит генитальную область девочки, он ведет себя нерешительно, прежде всего, он мало интересуется; он ничего не видит или отрицает свое восприятие, ослабляет его, ищет подтверждений, которые привели бы это восприятие в соответствие с его ожиданием. Лишь впоследствии, когда на него оказывает свое действие угроза кастрации, тогда это наблюдение становится для него многозначительным: воспоминание о нем или новое наблюдение вызывает в нем взрыв устранивающего аффекта и вынуждает его поверить в действительность угрозы, к которой он до сих пор относился иронически. Из этого соотношения вытекают две реакции, которые могут зафиксироваться, а затем каждая из них в отдельности или обе вместе или в совокупности с другими моментами могут надолго определить его отношение

к женщине: боязнь изуродованного существа или презрение к нему, вызванное чувством превосходства. Но это развитие происходит уже в будущем, хотя и не очень отдаленном.

Иначе ведет себя маленькая девочка. У нее мгновенно созревает суждение и решение. Она видит пенис, знает, что у нее нет его, и хочет иметь его.

Здесь ответвляется свойственный женщине так называемый комплекс мужественности, который иногда доставляет большие трудности предначертанному развитию к женственности, если не удастся вскоре преодолеть его. Надежда получить все-таки когда-нибудь пенис и стать, таким образом, равной мужчине может сохраниться в течение очень долгого времени и стать мотивом для странных, иногда непонятных поступков. Или начинается процесс, который я назвал бы отрицанием; процесс этот наступает в детской душевной жизни нередко и, по-видимому, не таит в себе опасностей; у взрослого же он знаменовал бы собою психоз. Девочка отказывается признать факт своей кастрации, твердо убеждена в том, что она обладает пенисом и вследствие этого вынуждена вести себя так, как если бы она была мужчиной.

* * *

Психические последствия зависти к пенису, поскольку она не растворяется в реактивном образовании комплекса мужественности, разнообразны и многозначительны. С признанием своей нарцисстической раны у женщины возникает – словно рубец – чувство малоценности. После того как она преодолевает первую попытку объяснить отсутствие у нее пениса понесенным ею лично наказанием и узнает об общераспространенности этого характерного полового признака, она начинает разделять пренебрежение мужчины к полу, имеющему дефект в столь важной части организма, и продолжает, по крайней мере, в этой оценке приравнивать себя к мужчине.

Даже в том случае, если она не испытывает зависти к пенису в отношении к себе самой, зависть эта не исчезает: с помощью небольшого перенесения она получает свое выражение в характерной черте ревности. Конечно, ревность свойственна не одному только полу; она имеет более широкое обоснование, однако я полагаю, что в душевной жизни женщины она играет все же гораздо большую роль, так как она получает огромное подкрепление из источника подавленной зависти к пенису. Еще прежде, чем я мог сделать такой вывод относительно ревности, я выделил первую фазу столь частой у девочки онанистической фантазии, которая была названа «ребенка бьют». Смысл этой фантазии сводится к тому, что бьют другого ребенка, которого девочка ревнует как соперника. Эта фантазия является, по-видимому, остатком фаллического периода у девочки; своеобразное упорство, поразившее меня в однообразной формуле «ребенка бьют», допускает, по всей вероятности, еще особое толкование. Ребенок, которого бьют, т. е. любят, является в сущности не чем иным, как клитором, так что это выражение содержит в глубинах своих признание мастурбации, которая связана с содержанием этой формулы, начиная с фаллической фазы вплоть до более поздних времен.

Третьим следствием зависти к пенису является, по-видимому, ослабление нежного отношения к матери. Связь эта не совсем понятна, но всегда можно убедиться в том, что виновницей отсутствия пениса считается, в конце концов, почти всегда мать, которая родила ребенка на свет, не наделив его всем необходимым. Исторический ход мыслей таков, что вскоре после обнаружения дефекта в гениталиях возникает ревность в отношении к другому ребенку, который якобы больше любим матерью; и это является поводом для освобождения от привязанности к матери. Это обстоятельство согласуется с тем, что этот более любимый матерью ребенок становится первым объектом фантазии о наказании его, которая предшествует мастурбации.

Поразительное влияние зависти к пенису – или открытия малоценности клитора – является, конечно, самым важным из всех. Раньше я неоднократно получал впечатление, что женщина в общем хуже переносит мастурбацию, нежели мужчина, чаще борется с ней и не при-

бегают к ней тогда, когда мужчина при тех же самых условиях безусловно пользуется этим средством. Разумеется, если принять это положение за правило, то опыт укажет нам на многочисленные исключения из него. Реакции индивидов обоего пола состоят ведь из мужских и женских черт. Но тем не менее у нас есть основание предположить, что мастурбация более чужда природе женщины, и для разрешения этой предполагаемой проблемы следует принять во внимание, что по крайней мере мастурбация, связанная с клитором, является мужской манипуляцией и что условием для развития женственности является устранение сексуальности, связанной с клитором. Анализы фаллической фазы показали мне, что вскоре после проявления зависти к пенису у девочки наступает энергичное сопротивление против онанизма, которое не может быть объяснено одним только влиянием воспитания. Это побуждение является, очевидно, предвестником того вытеснения, которое устранил ко времени созревания большую часть мужской сексуальности, чтобы дать место развитию женственности. Возможно, что эта первая оппозиция против аутоэротической деятельности не достигает своей цели. В анализированных мною случаях так и было. Затем конфликт продолжается, и тогда, как и впоследствии, девочка делает все, чтобы освободиться от онанизма. Некоторые позднейшие проявления сексуальной жизни женщины остаются непонятными, если не учитывается этот веский мотив.

Я не могу объяснить себе этого сопротивления маленькой девочки против фаллического онанизма иначе, как предположив, что эта доставляющая удовольствие деятельность жестоко страдает от возникающего вслед за ней момента. Этого момента не надо долго искать. Это – связанная с завистью к пенису обида, напоминание, что в этом пункте нельзя сравниться с мальчиком и поэтому лучше всего отказаться от соревнования с ним. Таким образом, познание анатомического различия полов отталкивает маленькую девочку от мужественности и от мужского онанизма и направляет ее на новые пути, которые ведут к развитию женственности.

Об эдиповом комплексе до сих пор не было речи, он до сих пор и не играл никакой роли. Но теперь либидо девочки занимает новую позицию (можно лишь сказать: путем предначертанного символического сравнения пенис-ребенок). Она отказывается от желания иметь пенис, чтобы заменить его желанием иметь ребенка, и для этой цели она выбирает в качестве любовного объекта отца. Мать становится объектом ревности, маленькая девочка превращается в женщину. Если я могу доверять единичному аналитическому результату, то в этой новой ситуации дело может дойти до физических ощущений, которые должны быть учтены как преждевременное пробуждение женского генитального аппарата. Если девочка отказывается впоследствии от этой привязанности к отцу в силу безнадежности ее, то привязанность эта может вылиться в идентификацию с отцом, вместе с которой девочка возвращается к комплексу мужественности и иногда фиксируется на нем.

* * *

Я сказал все существенное, что мне было нужно, и останавливаюсь теперь, чтобы окинуть взором результаты, к которым мы пришли. Мы познакомились с периодом эдипова комплекса у девочки. Относительно этого же периода развития у мальчика нам абсолютно ничего неизвестно. У девочки эдипов комплекс является вторичным образованием. Ему предшествуют и его подготавливают воздействия кастрационного комплекса. В соотношении между эдиповым и кастрационным комплексами существует фундаментальная разница у обоих полов. В то время как эдипов комплекс мальчика погибает вследствие кастрационного комплекса, эдипов комплекс девочки становится возможным и возникает благодаря кастрационному комплексу. Это противоречие получает свое объяснение, если принять во внимание, что кастрационный комплекс оказывает при этом свое действие всегда в духе своего содержания, задерживая и ограничивая мужественность и способствуя развитию женственности. Разница в этой части

сексуального развития у мужчины и у женщины является понятным следствием анатомического различия гениталий и связанной с этим психической ситуации; она соответствует разнице между осуществленной кастрацией и кастрацией, которая только угрожает. Таким образом, наш результат является в основе своей чем-то само собою понятным, что можно было предвидеть сначала.

Между тем эдипов комплекс имеет такое важное значение, что далеко не безразлично, каким образом попадают в эту ситуацию и каким образом освобождаются от нее. Как я показал в предыдущем сообщении, результаты которого здесь подтверждаются мною, этот комплекс у мальчика не просто вытесняется, он буквально разрушается под влиянием шока, связанного с угрозой кастрации. Мальчик отказывается от своих либидинозных привязанностей, которые десексуализируются и отчасти сублимируются. Объекты их включаются в состав Я, где они образуют ядро сверх-Я и придают этому новообразованию характерные особенности. В нормальном, лучше говоря в идеальном, случае эдипов комплекс не существует уже больше и в бессознательном, сверх-Я стало его наследником. Так как пенис обязан – в смысле Ференчи – своей чрезвычайно высокой нарцисстической насыщенностью своему органическому значению для продолжения рода, то катастрофу эдипова комплекса – отказ от инцеста, возникновение совести, морали – следует учитывать как победу рода над индивидом. Это интересная точка зрения, если принять во внимание, что невроз основан на возмущении Я против требований сексуальной функции. Но если мы оставим точку зрения индивидуальной психологии, то это отнюдь не приведет нас к ясности запутанных соотношений.

У девочки отпадает мотив для разрушения эдипова комплекса. Кастрация уже раньше оказала свое действие, которое состояло в том, что оно толкнуло ребенка к ситуации эдипова комплекса. Поэтому последний избегает той участи, которая была ему предуготовлена у мальчика; девочка изживает его медленно, упраздняет его путем вытеснения; его влияние распространяется далеко в область нормальной душевной жизни женщины. Я говорю об этом неохотно, но не могу отделаться от мысли, что нормальный уровень нравственности у женщины – иной. Сверх-Я никогда не будет столь неумолимо, столь безлично и столь независимо от своих эффективных источников, как мы этого требуем от мужчины. Характерные черты, которые критика издавна ставила в упрек женщине, что она менее способна испытывать чувство справедливости, нежели мужчина, что она менее способна подчиняться настойчивым жизненным потребностям, что она в своих решениях чаще руководствуется нежными и враждебными чувствами, – эти характерные черты находят себе достаточное обоснование в вышеприведенной модификации образования сверх-Я.

Возражение феминистов, которые хотят нам навязать полное равноправие и одинаковую оценку полов, не должно вводить нас в заблуждение, хотя следует охотно признать, что и многие мужчины далеки от мужского идеала и что все люди соединяют в себе мужские и женские характерные черты вследствие своего бисексуального предрасположения и перекрестной наследственности, так что мужественность и женственность в чистом виде остаются теоретическими конструкциями с неопределенным содержанием.

О происхождении сексуальных извращений

Фантастическое представление «ребенка бьют» с поразительной частотой встречается в признаниях лиц, обращавшихся к аналитическому лечению по поводу своей истерии или невроза навязчивых состояний. Весьма правдоподобно, что еще чаще оно имеет место у других людей, которых не принуждает принять подобное решение какое-то явное заболевание.

С этой фантазией связаны ощущения удовольствия, из-за которых она бесчисленное количество раз воспроизводилась или все еще воспроизводится [нашими пациентами]. Кульминацией представленной ситуации почти всегда, как правило, оказывается онанистическое самоудовлетворение, которое поначалу производится по воле фантазирующего, но затем приобретает и некий навязчивый характер, преодолевая его сопротивление.

Признание в этой фантазии делается лишь с колебанием, воспоминание о ее первом появлении расплывается, аналитическая трактовка предмета сталкивается с недвусмысленным сопротивлением, стыд и сознание вины возбуждаются при этом, возможно, сильнее, чем при схожих сообщениях, касающихся воспоминаний о начале сексуальной жизни.

Наконец можно констатировать, что первые фантазии подобного рода вынашивались в очень ранний период, определенно до поступления в школу, уже на пятом и шестом году жизни. Когда ребенок увидел затем в школе, как другие дети избивались учителем, это переживание вновь пробудило к жизни эти фантазии, если они уже уснули, или усилило их, если они все еще были налицо, примечательным образом модифицировав их содержание. Отныне и впредь избивались «неопределенно многие» дети. Влияние школы было столь отчетливым, что пациенты поначалу пытались возвести свои фантазии битья исключительно к этим впечатлениям школьного периода, начинающегося с шестилетнего возраста. Но эта попытка всегда оказывалась несостоятельной: фантазии были налицо уже до этого времени.

Когда в старших классах избивание детей прекращалось, его воздействие более чем возмещалось впечатлениями, получаемыми от чтения, которое быстро приобретало большое значение. Применительно к моим пациентам, речь почти всегда шла об одних и тех же доступных молодежи книгах, в содержании которых фантазии битья черпали для себя новые импульсы: так называемая *Bibliothèque rose*, «Хижина дяди Тома» и тому подобное. Состязаясь с этими сочинениями, собственное фантазирование ребенка начинало измышлять целый набор ситуаций и институтов, в которых детей за их дурное поведение и озорство бьют, наказывают или карают каким-то иным образом.

Поскольку фантастическое представление «ребенка бьют» было загружено интенсивным удовольствием и приводило к акту автоэротического удовлетворения, можно было бы ожидать того, что источником схожего наслаждения служило также и наблюдение за тем, как в школе избивался другой ребенок. Этого, однако, никогда не происходило. Присутствие при реальных сценах избивания в школе и переживания, связанные с ними, вызывали у наблюдающего ребенка, по-видимому, какое-то смешанное чувство совершенно особого возбуждения со значительной долей осуждения. В ряде случаев реальное переживание сцен избивания воспринималось как нетерпимое. Впрочем, и в рафинированных фантазиях более поздних лет в качестве условия настаивалось на том, что наказываемым детям не причиняется никакого серьезного вреда.

* * *

Мы должны были поднять вопрос о том, какое соотношение существует между значимостью фантазии битья и той ролью, которую могло бы играть в домашнем воспитании ребенка реальное телесное наказание. Напрашивающееся предположение о том, что здесь могло бы

иметь место обратно пропорциональное соотношение, не может быть доказано в силу односторонности нашего материала. Людей, которые доставляли материал для этих анализов, очень редко били в детстве – во всяком случае, их воспитывали не розгами. Естественно, каждый из этих детей в том или ином случае имел возможность почувствовать превосходящую физическую силу своих родителей или воспитателей, а то, что в любой детской нет недостатка в потасовках между самими детьми, и вовсе не нужно выделять как-то особо.

Наше исследование не прочь было извлечь побольше сведений из тех ранних и несложных фантазий, которые явным образом восходят к влиянию школьных впечатлений и чтения этого периода. Кем был избиваемый ребенок? Самим фантазирующим или каким-то посторонним? Был ли это всегда один и тот же ребенок или сколь угодно часто другой? Кем был тот, кто бил ребенка? Какой-то взрослый? И кто тогда? Или же ребенок фантазировал, будто он сам бьет другого? Никаких сведений, проливающих свет на все эти вопросы, мы не получали – всегда лишь один робкий ответ: «Больше я об этом ничего не знаю; ребенка бьют».

Справки относительно пола избиваемого ребенка имели больший успех, но и они не вносили никакой ясности. Иногда нам отвечали: «Всегда лишь мальчиков» или «Лишь девочек»; чаще ответ гласил: «Этого я не знаю» или: «Это все равно». То, что имело значение для исследователя – некое устойчивое соотношение между полом фантазирующего и полом избиваемого ребенка, зафиксировать так и не удавалось. Порой обнаруживалась еще одна характерная деталь содержания фантазии: «Маленького ребенка бьют по голой попе».

В данных обстоятельствах поначалу нельзя было даже решить, обозначить ли примыкающее к фантазии битья удовольствие как садистское или же как мазохистское.

Понять такую фантазию, возникающую в раннем детском возрасте, по-видимому, в результате каких-то случайных влияний и сохраняемую позже для получения автоэротического удовлетворения, в соответствии с нашими прежними воззрениями можно лишь в том смысле, что речь здесь идет о какой-то первичной черте извращения. Одна из компонент сексуальной функции обогнала в развитии другую, зафиксировалась и, в результате, отклонилась от позднейших процессов развития, засвидетельствовав тем самым некую особую, ненормальную конституцию личности. Мы знаем, что подобное инфантильное извращение необязательно остается на всю жизнь, позднее оно еще может подвергнуться вытеснению, быть замещенным тем или иным реактивным образованием или же преобразиться под действием сублимации. (Возможно, однако, что сублимация берет начало в каком-то особом процессе, задерживавшемся вытеснением). Но тогда, когда процессы эти отсутствуют, извращение сохраняется и в зрелой жизни, и там, где мы встречаем у взрослого какое-то сексуальное отклонение – перверсию, фетишизм, инверсию, – там мы с полным правом ожидаем путем амнезического исследования раскрыть подобное фиксирующее событие детского периода. Да и задолго до психоанализа такие наблюдатели, как Бине, возводили странные сексуальные отклонения зрелого периода к подобным впечатлениям все того же пяти- или шестилетнего возраста. Впрочем, при этом мы наталкивались на границы нашего понимания, ибо фиксирующим впечатлениям не доставало какой бы то ни было травматической силы, большей частью они были банальными и никак не возбуждали других индивидов; невозможно было сказать, почему именно на них зафиксировались сексуальные стремления. Но их значение можно было поискать как раз в том, что они давали – хотя бы и случайный – повод для фиксации преждевременной и готовой к скачку сексуальной компоненты, и мы должны были подготовиться к тому, что цепочка казуальной связи где-то преждевременно оборвется. Именно врожденная конституция, казалось, соответствовала всем требованиям для [объяснения] подобной точки обрыва.

Если оторвавшаяся преждевременно сексуальная компонента имеет садистский характер, то на основании уже достигнутых нами знаний мы можем ожидать, что в результате ее позднейшего вытеснения создастся предрасположенность к неврозу навязчивых состояний. Нельзя сказать, что этому ожиданию противоречит результат наших исследований. Среди

шести случаев, на обстоятельном изучении которых построена эта небольшая статья (четыре женщины, два мужчины), есть случаи невроза навязчивых состояний – один весьма тяжкий, опасный для жизни, и один средней тяжести, хорошо доступный [терапевтическому] воздействию, а также третий, в котором присутствовали, по крайней мере, отдельные явные черты невроза навязчивых состояний. Четвертый случай, однако, был чистой истерией с болями и торможением, а в пятом случае человек обратился за помощью к аналитику лишь из-за нерешительности, от которой он страдал в своей жизни, и этот случай грубая клиническая диагностика либо вообще никак не классифицировала бы, либо отделилась бы от него, наклеив на него ярлык какой-нибудь «психастении». Подобная статистика никак не может нас разочаровывать, ибо, во-первых, мы знаем, что не всякая предрасположенность обязательно развивается затем в болезнь, а во-вторых, мы вправе удовлетвориться объяснением того, что имеется налицо, и вообще уклониться от задачи уяснения также и того, почему ничто не произошло.

До сих пор и никак не дальше наши теперешние знания позволили бы нам проникнуть в понимание фантазии битья. Подозрение, что проблема этим не исчерпывается, шевелится, впрочем, в мозгу у врача-аналитика, когда ему приходится признаваться себе, что фантазии эти по большей части остаются в стороне от прочего содержания невроза и не занимают в его структуре никакого подходящего места; но обычно, как я это знаю по собственному опыту, от подобных подозрений охотно отмахиваются.

* * *

В строгом смысле – а почему бы и не рассмотреть это настолько строго, насколько это возможно? – лишь такое аналитическое усилие заслуживает признания в качестве корректного психоанализа, которому удалось устранить амнезию, окутывающую для взрослого человека знание о его детской жизни (т. е. примерно с двух до пяти лет). В среде аналитиков об этом просто невозможно говорить слишком громко или слишком часто. Мотивы, заставляющие не считаться с подобным увещанием, конечно же, понятны. Полезных результатов хотелось бы достигать в кратчайшие сроки и с наименьшими затратами усилий. Но в настоящее время для каждого из нас теоретическое знание все еще несравненно весомей, нежели терапевтический результат, и тот, кто пренебрегает анализом детского периода, с необходимостью впадает в тяжелейшие заблуждения. Это подчеркивание значимости наиболее ранних переживаний не обуславливает недооценки более поздних; но позднейшие жизненные впечатления достаточно громко выражают себя при анализе устами больного, а поднять голос за права детства должен не кто иной, как врач.

Период детства с двух до четырех или пяти лет – это такое время, когда врожденные либидинозные факторы впервые пробуждаются под действием тех или иных переживаний и связываются с определенными комплексами. Рассматриваемые здесь фантазии битья появляются лишь к концу этого времени или по его завершении. Они, таким образом, вполне могут иметь какую-то предысторию, претерпевать известное различие, соответствовать конечному результату, а не начальному проявлению.

Это предположение подтверждается анализом. Последовательное его применение позволяет выяснить, что фантазии битья имеют совсем непростую историю развития, в ходе которой многое в них не раз меняется: их отношение к фантазирующему лицу, их объект, содержание и значение.

Чтобы нам было легче проследить эти превращения, которым подвергаются фантазии битья, я позволю себе теперь ограничить свое описание лицами женского пола, которые и без того (четверо против двоих) составляют большую часть моего материала. Кроме того, с фантазиями битья у мужчин связана и другая тема, которую в настоящей статье я хотел бы обойти. При этом я попытаюсь схематизировать не больше, чем это необходимо при изображении

среднестатистического случая. И даже если впоследствии дальнейшее наблюдение предоставит большее многообразие случаев, я все-таки уверен в том, что мне удалось ухватить какое-то типичное и отнюдь не редкое событие.

Следовательно, первая фаза фантазий битья у девочек должна относиться к весьма раннему периоду детства. Кое-что в них примечательным образом остается неопределенным, как если бы было безразличным. Скудость сведений, получаемых от пациентов при их первом сообщении «Ребенка бьют», как будто оправдывается в фантазии этой [фазы]. Но вот другая черта определяется вполне четко, причем в одном и том же духе. А именно, фантазирующий ребенок никогда не выступает избиваемым, это, как правило, какой-то другой ребенок, чаще всего – братишка или сестренка, когда таковые имеются. Поскольку это может быть как мальчик, так и девочка, никакого устойчивого соотношения между полом фантазирующего и избиваемого ребенка вывести здесь невозможно. Фантазия, таким образом, определенно не является мазохистской; ее можно было бы назвать садистской, но мы не вправе упускать из виду то обстоятельство, что фантазирующий ребенок сам никогда не выступает и в качестве бьющего. О последнем можно утверждать лишь то, что это не другой ребенок, но какой-то взрослый. Позднее этот неопределенный взрослый явно и недвусмысленно признается за отца (девочки).

* * *

Итак, эта первая фаза фантазии битья полностью передается следующим положением: «Отец бьет ребенка». Я выдал бы многое из содержания [фантазии], которое еще предстоит раскрыть, если сказал бы вместо этого: «Отец бьет ненавистного мне ребенка». Впрочем, можно колебаться относительно того, должны ли мы за этой предварительной стадией позднейшей фантазии битья признавать уже характер какой-то «фантазии». Возможно, речь здесь идет, скорее, о неких воспоминаниях о подобных событиях, свидетелями которых [пациенты] были, о желаниях, которые были вызваны теми или иными поводами, но сомнения эти не имеют никакого значения.

Между этой первой и последующей фазой происходят значительные перемены. Хотя роль бьющего по-прежнему исполняется отцом, роль избиваемого играет теперь, как правило, сам фантазирующий ребенок; фантазия имеет теперь подчеркнуто гедонистический характер и заполнена важным содержанием, происхождением которого мы займемся позже. Она выражается теперь словами: я избиваюсь отцом. Она имеет несомненно мазохистский характер.

Эта вторая фаза – самая важная из всех, и она больше других отягощена последствиями. Но о ней, в известном смысле, можно сказать, что она никогда не имела реального существования. Ни в одном из случаев ее не вспоминают, ей так и не удалось пробиться к осознанию. Она представляет собой аналитическую конструкцию, но из-за этого ее необходимость не становится меньшей.

Третья фаза напоминает первую. Ее словесное выражение известно из сообщения пациентки. Отец никогда не выступает в качестве бьющего лица, последнее либо оставляется неопределенным, как в первой фазе, либо типичным образом загружается неким заместителем отца (учителем). Сам фантазирующий ребенок в фантазии битья больше не появляется. На мои настойчивые расспросы об этом пациентки отвечают лишь следующее: «Я, наверное, наблюдаю». Вместо одного избиваемого ребенка теперь в большинстве случаев налицо множество детей. Чаще всего избиваемыми (в фантазиях девочек) оказываются мальчики, но не знакомые им лично. Изначально несложная и монотонная ситуация избивания может теперь самым разнообразным образом модифицироваться и приукрашаться, а само избивание – замещаться наказаниями и унижениями иного рода. Но существенный характер, который отличает и простейшие фантазии этой фазы от фантазий первой фазы и который связывает ее со средней фазой, заключается в следующем: фантазия является теперь носителем сильного и недву-

смысленного сексуального возбуждения и, как таковая, способствует достижению онанистического удовлетворения. Но именно это и представляется загадочным: каким путем садистская с этих пор фантазия о том, что каких-то посторонних и незнакомых мальчиков бьют, получает отныне в свое постоянное владение либидинозные стремления маленькой девочки?

Мы не скрываем от себя и того, что взаимосвязь и последовательность трех фаз фантазии битья, равно как и все иные ее особенности, до сих пор оставались совершенно невыясненными.

* * *

Если повести анализ через те ранние времена, к которым возводится фантазия битья и из которых она извлекается воспоминанием, то он покажет нам ребенка, захваченного импульсами своего родительского комплекса.

Маленькая девочка с нежностью фиксируется на отце, который, очевидно, сделал все, чтобы завоевать ее любовь, и закладывает при этом семя, из которого возникнет установка ненависти и соперничества по отношению к матери, остающаяся наряду с потоком нежной привязанности к ней; этой установке с годами, может быть, суждено становиться все сильнее и осознаваться все отчетливее или же давать толчок к какой-то чрезмерной реактивной любовной привязанности к матери. В детской есть еще и другие дети, совсем немногим старше или младше, которых не желают терпеть по множеству разных причин, но главным образом потому, что с ними приходится делить любовь родителей, и которых отталкивают от себя со всей той неукротимой энергией, которая свойственна эмоциональной жизни этих лет. Если речь идет о младшем ребенке, брате или сестре (так дело обстояло в трех из четырех моих случаев), то его не только ненавидят, но еще и презирают, и старшему ребенку приходится при этом наблюдать, как именно он притягивает к себе ту львиную долю нежности, которую ослепленные родители всякий раз готовы уделить самому младшему. Вскоре становится ясно, что побои, даже если это не очень больно, означают отказ в любви и унижение. Так, не один ребенок, считавший себя надежно утвердившимся в непоколебимой любви своих родителей, одним-единственным ударом ниспровергался с небес своего воображаемого всемогущества. Таким образом, представление о том, что отец бьет этого ненавистного ребенка, доставляет удовольствие совершенно независимо от того, видели ли его действительно избивающим его. Это означает следующее: «Отец не любит этого другого ребенка, он любит лишь меня».

Таково, стало быть, содержание и значение фантазии битья в ее первой фазе. Фантазия явно удовлетворяет ревность ребенка и находится в зависимости от его любовной жизни, но ее также сильно подкрепляют и эгоистические интересы ребенка. Следовательно, остается сомнительным, вправе ли мы обозначить ее как чисто «сексуальную»; не отваживаемся мы назвать ее и «садистской». Ведь известно, что все признаки, на которых мы привыкли основывать свои различия, ближе к истоку обычно становятся расплывчатыми. Так что это, по-видимому, напоминает предсказание трех ведьм Банко: [фантазия не является] ни отчетливо сексуальной, ни даже садистской, однако представляет собой тот материал, из которого обе должны позднее возникнуть. Однако ни один из случаев не дает оснований предполагать, что уже эта первая фаза фантазии служит тому возбуждению, которое учится разряжаться с использованием гениталий в акте онанизма.

В этом преждевременном выборе объекта инцестуозной любви сексуальная жизнь ребенка явно достигает ступени генитальной организации. В случае мальчика доказать это легче, но и в случае девочки это неоспоримо. Над либидинозным стремлением ребенка господствует нечто вроде предвосхищения позднейших окончательных и нормальных сексуальных целей; уместно выразить удивление по поводу того, откуда оно берется, но мы вправе принять его в качестве доказательства того, что гениталии начали уже играть свою роль в процессе воз-

буждения. Желание иметь с матерью ребенка всегда присутствует у мальчика, желание иметь ребенка от отца неизменно наличествует у девочки, и это при полной неспособности внести для себя ясность по поводу того, каким путем можно прийти к исполнению этого желания. То, что гениталии должны иметь к этому какое-то отношение, для ребенка, как будто, несомненно, хотя его размышления на этот счет могут заставить его искать суть предполагаемой между родителями интимности и в иного рода отношениях, – например, в том, что они спят вместе, в совместном мочеиспускании и тому подобном, – и такое содержание легче схватить в словесных представлениях, чем то смутное, что связано с гениталиями.

* * *

Приходит время, когда эти ранние цветы увядают от морозов: ни одна из этих инцестуозных влюбленностей не может избегнуть судьбы вытеснения. Они подвергаются ему либо при тех или иных внешних поводах, которые можно проследить и которые вызывают некое разочарование, при нечаянных обидах, при нежеланном рождении нового брата или сестры, воспринимающемся как неверность, или же без подобных поводов, изнутри, – возможно, лишь в силу простого отсутствия своего завершения, по которому слишком долго томились. Нельзя не признать того, что поводы эти не являются действительными причинами, но этим любовным привязанностям суждено когда-то погибнуть, и мы не можем сказать отчего. Вероятнее всего, они угасают потому, что истекает их время, что дети вступают в какую-то новую фазу развития, на которой они должны повторить вытеснение инцестуозного выбора объекта, свершившееся в человеческой истории, подобно тому, как прежде они вынуждены были осуществить такой выбор. То, что бессознательно наличествует в качестве психического результата инцестуозных любовных импульсов, сознанием новой фазы уже не перенимается, а то в них, что уже было осознано, вновь оттесняется. Одновременно с этим процессом вытеснения появляется и сознание вины – его происхождение также неизвестно, но оно вне всяких сомнений связано с этими инцестуозными желаниями и обосновано их продолжением в бессознательном.

Фантазия периода инцестуозной любви гласила: «Он (отец) любит лишь меня, а не другого ребенка, ведь этого последнего он бьет». Сознание вины не умеет найти кары более жестокой, нежели инверсия этого триумфа: «Нет, он тебя не любит, поскольку он бьет тебя». Таким образом, фантазия второй фазы, [в которой фантазирующий ребенок] сам избивается отцом, могла бы оказаться непосредственным выражением сознания вины, в основе которого лежит теперь любовь к отцу. Она сделалась, следовательно, мазохистской; насколько мне известно, так всегда бывает, сознание вины всякий раз оказывается тем фактором, который превращает садизм в мазохизм. Этим, однако, содержание мазохизма не исчерпывается. Сознание вины не может овладеть полем в одиночку; что-то должно перепасть и на долю любовного импульса. Вспомним, что речь идет о детях, у которых садистская компонента смогла выступить на первый план преждевременно и изолированно в силу конституциональных причин. Нам нет нужды оставлять эту точку зрения. Именно этим детям особенно легко осуществить возврат к догенитальной, садистско-анальной организации сексуальной жизни. Когда едва достигнутую генитальную организацию поражает вытеснение, отсюда вытекает не только то, что всякое психическое представление инцестуозной любви становится или остается бессознательным, но также и то, что сама генитальная организация претерпевает некое регрессивное понижение. «Отец любит меня» подразумевалось в генитальном смысле; регрессия превращает это в «Отец бьет меня (я избиваюсь отцом)». Это избивание – встреча сознания вины и эротики; оно есть не только кара за запретное генитальное отношение, но и регрессивное его замещение, и из этого последнего источника черпает оно то либидинозное возбуждение, которое отныне плотно с ним смыкается и находит разрядку в актах онанизма. Только в этом и заключается сущность мазохизма.

Фантазия второй фазы, [в которой фантазирующий] сам избивается отцом, остается, как правило, бессознательной – по-видимому, вследствие интенсивности вытеснения. Я, однако, не нахожу объяснений тому, что в одном из шести моих случаев (мужчина) имело место сознательное воспоминание о ней. Этот ныне взрослый мужчина ясно сохранил в памяти то обстоятельство, что в своей онанистической деятельности он представлял себе, будто его бьет мать; впрочем, он часто заменял свою собственную мать матерями школьных товарищей или другими женщинами, схожими с нею в каких-то отношениях. Нельзя забывать о том, что при трансформации инцестуозной фантазии мальчика в соответствующую ей мазохистскую происходит на одно превращение больше, чем в случае девочки, а именно – замещение активности пассивностью, и это «больше», увеличивающее искажение, может защитить фантазию и не дать ей остаться бессознательной в результате вытеснения. Таким образом, сознанию вины вместо вытеснения оказалось достаточно регрессии; в женских случаях сознание вины, – может быть, более взыскательное само по себе, – было бы умиротворено лишь взаимодействием обоих факторов [регрессии и вытеснения].

В двух из четырех моих женских случаев над мазохистской фантазией битья образовалась искусная, весьма значимая для жизни пациенток надстройка дневных грез, которой выпадала функция обеспечивать им возможность испытывать чувство удовлетворенного возбуждения и при отказе от акта онанизма. В одном из этих случаев содержание (быть избиваемой отцом) смогло отважиться вновь проникнуть в сознание, когда собственное Я [фантазирующей] сделалось неузнаваемым благодаря легкому переодеванию. Герой этих вымыслов, как правило, избивался отцом, позднее – лишь наказывался и унижался и т. д.

* * *

Я, однако, еще раз повторяю: как правило, фантазия остается бессознательной и должна реконструироваться лишь в анализе. Это, возможно, позволяет признать правоту тех пациенток, которые склонны вспоминать о том, что онанизм появился у них раньше фантазии битья третьей фазы (сейчас мы поговорим и о ней); последняя добавилась будто бы лишь позднее, может быть, под впечатлением от школьных сцен [избиения детей]. Всякий раз, как мы принимали на веру эти сведения, мы были склонны предположить, что онанизм первоначально находился под господством бессознательных фантазий, позже замещенных сознательными.

В качестве подобного заместителя мы понимаем тогда известную фантазию битья третьей фазы, окончательное ее оформление, когда фантазирующий ребенок предстает самое большее как зритель, отец же сохраняется в обличье учителя или какого-то другого начальника. Фантазия, схожая теперь с фантазией первой фазы, как будто вновь вернулась в сферу садизма. Создается впечатление, что в положении «Отец бьет ребенка, он любит лишь меня» акцент смещается на первую часть, после того как вторая подверглась вытеснению. Но садистской является только форма этой фантазии, удовлетворение же, которое из нее извлекается, носит мазохистский характер, ее значение заключается в том, что она перенимает либидинозную загрузку вытесненной части, а вместе с ней – и сознание вины, примыкающее к содержанию [фантазии]. Все множество каких-то неопределенных детей, избиваемых учителем, является все-таки лишь замещением собственной личности [фантазирующего ребенка].

Здесь впервые проявляется и нечто вроде постоянства пола у служащих фантазии лиц. Избиваемые дети – почти всегда мальчики в фантазиях как девочек, так и мальчиков. Эта характерная черта естественно объясняется не соперничеством полов, ибо тогда в фантазиях мальчиков должны были бы избиваться девочки; она также не имеет никакого отношения к полу ненавистного ребенка первой фазы, но указывает на одно осложняющее обстоятельство у девочек. Когда они отворачиваются от инцестуозной любви к отцу с ее генитальным смыслом, они вообще с легкостью порывают со своей женской ролью, оживляют свой «комплекс

мужественности» (ван Офейсен) и впредь желают быть исключительно мальчиками. Поэтому и мальчики для битья их [фантазий], представляющие их самих, – это именно мальчики. В обоих случаях с дневными грезами – один поднялся чуть ли не до уровня поэзии – героями выступали всегда лишь молодые люди, женщины же вообще не появлялись в этих творениях [фантазии] и лишь по прошествии многих лет допускались на какие-то второстепенные роли.

* * *

Я надеюсь, что изложил свои аналитические наблюдения достаточно детально, и прошу лишь еще обратить внимание на то, что столь часто упоминавшиеся шесть случаев не исчерпывают моего материала: подобно другим аналитикам, я располагаю гораздо большим числом менее исследованных случаев. Эти наблюдения могут быть использованы в нескольких направлениях: для объяснения генезиса извращений вообще и мазохизма в частности, а также для оценки той роли, которую играет в динамике невроза половое различие.

Наиболее заметный результат подобного обсуждения касается вопроса о происхождении извращений. Хотя ничего не меняется в той точке зрения, согласно которой на передний план здесь выдвигается конституциональное усиление или преждевременность одной сексуальной компоненты, этим еще не все сказано. Извращение не стоит уже изолированно в сексуальной жизни ребенка, но встраивается во взаимосвязь типичных – чтобы не сказать нормальных – процессов развития. Оно соотносится с инцестуозным выбором объекта ребенка, с его эдиповым комплексом, впервые проступает на почве этого комплекса, а когда тот ломается, извращение часто бывает единственным, что от него остается, выступая в качестве наследника его либидинозного бремени и обременяя тем сознанием вины, которое к нему примыкает. В конце концов ненормальная сексуальная конституция выказала свою силу в том, что потеснила эдипов комплекс в особенном направлении и принудила его сохранить после себя некое необычное остаточное явление.

Как известно, детское извращение может стать фундаментом для обладающего тем же смыслом и остающегося на всю жизнь извращения, поглощающего всю сексуальную жизнь человека, но оно может и прерваться, сохраняясь на заднем плане сексуального развития, у которого оно тогда, однако, отбирает известное количество энергии. Первый случай был известен еще в доаналитические времена, но пропасть, отделяющая его от второго случая, заполняется лишь с помощью аналитического исследования подобных развитых извращений. А именно, мы достаточно часто обнаруживаем, что эти извращенцы, обычно в пубертатный период, сделали попытку начать нормальную сексуальную деятельность. Попытка эта, однако, была недостаточно решительна, и пациент оставлял ее, столкнувшись с первыми препятствиями, в которых никогда нет недостатка, и тогда уже окончательно хватался за свою инфантильную фиксацию.

Естественно, было бы важно выяснить, вправе ли мы постулировать происхождение извращений из эдипова комплекса как некий общий принцип. Хотя решение этого вопроса не может быть принято без дальнейших исследований, это не представляется невозможным. Если мы вспомним анамнезы, полученные из извращений взрослых, мы заметим, что задающее масштаб впечатление, «первое переживание» всех этих извращенцев, фетишистов и тому подобных лиц почти никогда не относится к периоду, предшествующему шестому году жизни. Примерно в этом возрасте господство эдипова комплекса, однако, уже миновало; пришедшее на память и столь загадочным образом действенное переживание вполне могло бы представлять собой его наследие. Соотношения между ним и вытесненным теперь комплексом должны были оставаться темными, пока анализ не пролил свет на период, предшествующий первому «патогенному» впечатлению. Можно рассудить теперь, сколь мало ценности имеет, например, утверждение о врожденной гомосексуальности, опирающееся на сообщение о том, что паци-

ент уже с восьми— или шестилетнего возраста испытывал будто бы склонность лишь к лицам своего пола.

Если же выведение извращений из эдипова комплекса можно установить как общий принцип, тогда наша оценка его значения получает новое подтверждение. Ведь по нашему мнению, эдипов комплекс есть, собственно, зародыш неврозов, а достигающая в нем апогея инфантильная сексуальность – действительное условие неврозов, и то, что остается от него в бессознательном, представляет собой предрасположение для позднейшего невротического заболевания взрослого. Тогда фантазия битья и прочие перверсивные фиксации также оказались бы лишь какими-то осадками эдипова комплекса, как бы некими рубцами, оставшимися после того, как процесс уже закончился, – совсем как пресловутое «чувство неполноценности», также соответствующее подобному нарциссическому рубцу.

Это характерное для невротика бредовое чувство своей ничтожности, как известно, не захватывает его всего и вполне уживается с переоценкой собственной персоны, питающейся из других источников.

О происхождении самого эдипова комплекса и о выпавшей человеку, очевидно, единственному среди всех животных, судьбе дважды начинать свою сексуальную жизнь – сначала, как и все другие создания, в раннем детстве, а затем вновь, после долгого перерыва, в пубертатный период, – обо всем том, что связано с его «архаическим наследием», я уже высказался в другом месте и не намерен вдаваться в это здесь.

* * *

На генезис мазохизма обсуждение наших фантазий битья проливает лишь очень скудный свет. Прежде всего как будто подтверждается тот факт, что мазохизм не является выражением первичного влечения, но возникает в силу обращения садизма против собственной личности, т. е., благодаря регрессии от объекта к «Я». Влечения, обладающие пассивной целью, следует допустить с самого начала, особенно у женщины, но пассивностью мазохизм еще не исчерпывается; он обладает еще тем характером неудовольствия, который столь необычен при удовлетворении влечения. Превращение садизма в мазохизм происходит, как нам кажется, под влиянием участвующего в акте вытеснения сознания вины. Вытеснение, таким образом, выражается здесь в тройном эффекте: оно делает бессознательными результаты генитальной организации; саму ее принуждает к регрессии на более низкую садистско-анальную ступень; и превращает садизм этой ступени в пассивный, в известном смысле опять-таки нарциссический, мазохизм. Второе из трех этих следствий делается возможным благодаря предполагаемой в этих случаях слабости генитальной организации; третье делается необходимым потому, что сознание вины выказывает по отношению к садизму такое же неодобрение, как и к генитально понятому инцестуозному выбору объекта. Откуда берется само сознание вины, анализ [наших случаев] опять же не говорит. Его, как кажется, приносит с собой новая фаза, в которую вступает ребенок, и если оно отныне остается, то соответствует такому же рубцовому образованию, каким является чувство неполноценности. В соответствии с нашей все еще ненадежной ориентировкой в структуре Я, мы бы соотнесли это сознание вины с той инстанцией, которая, в качестве критической совести, противостоит остальному Я, порождает в сновидении Зильберовский функциональный феномен и отсоединяется от Я при бреде поднадзорности.

По ходу дела мы хотим также заметить, что анализ рассматриваемых здесь детских извращений помогает также решить и одну старую загадку, которая, впрочем, всегда мучила скорее не аналитиков, но тех, кто находился вне анализа. Еще не так давно, однако, сам Э. Блейер признал примечательным и необъяснимым фактом то, что онанизм обращается невротиками в некое средоточие их сознания вины. Мы уже давно предположили, что это сознание вины подразумевает онанизм раннего детства, а не пубертатного периода, и что оно должно, большей

частью, соотноситься не с актом онанизма, но с лежащей в его основе, хотя и бессознательной, фантазией – [восходящей], стало быть, к эдипову комплексу.

Я уже сказал, какое значение получает третья, с виду садистская, фаза фантазии битья в качестве носительницы побуждающего к онанизму возбуждения и к какой деятельности фантазии, частично продолжающей в том же духе, частично упраздняющей [онанизм], компенсируя его чем-то иным, эта фаза обычно толкает. Однако несравненно важнее вторая, бессознательная и мазохистская, фаза – фантазия об избииении отцом самого фантазирующего. И не только потому, что она продолжает действовать через посредство замещающей ее [фазы]: мы можем также проследить и такие воздействия на характер, которые непосредственно выводятся из ее бессознательной версии. Люди, вынашивающие такую фантазию, развивают в себе особую чувствительность и раздражимость по отношению к людям, которых они могут встроить в свой отцовский ряд; они легко дают себя обидеть и производят таким образом реализацию представленной в фантазии ситуации, будто их избивает отец, на горе и во вред себе. Я бы не удивился, если когда-либо удалось бы доказать, что та же самая фантазия лежит в основе параноического бреда кляузничества.

* * *

Описание инфантильных фантазий битья оказалось бы совершенно необозримым, если бы я не ограничил его, за некоторыми исключениями, случаями лиц женского пола. Я вкратце повторяю результаты. Фантазия битья у девочки проходит три фазы, из которых первая и последняя приходят на память как сознательные, а средняя остается бессознательной. Обе сознательные стадии представляются садистскими, средняя же, бессознательная – несомненно мазохистской природы; ее содержание – быть избиваемой отцом, с ней связаны известный либидинозный заряд и сознание вины. Избиваемый ребенок в обеих сознательных фантазиях – всегда кто-то другой, в фантазии средней фазы лишь собственная личность фантазирующего; в третьей, сознательной, фазе со значительным перевесом избиваемыми оказываются исключительно мальчики. Избивающее лицо сначала отец, позднее – какой-то его заместитель из отцовского ряда. Бессознательная фантазия средней фазы первоначально имела генитальное значение, она произошла из инцестуозного желания быть любимым отцом, [желания], подвергнувшегося вытеснению и регрессии. С этим, с виду шатким соотношением связан тот факт, что девочки между второй и третьей фазами меняют свой пол, воображая себя в своих фантазиях мальчиками.

Я продвинулся не так далеко в исследовании фантазий битья у мальчиков, может быть, лишь в силу неблагоприятности материала. Понятным образом, я ожидал полной аналогии между ситуациями мальчиков и девочек, причем у первых на место отца в фантазии должна была заступить мать. Ожидание это как будто подтвердилось, поскольку содержанием соответствующей фантазии мальчика было избивание матерью (позднее – каким-то замещающим ее лицом). Однако эта фантазия, в которой собственная личность фантазирующего сохранялась как объект, отличалась от второй фазы у девочек тем, что могла быть сознательной. Если бы нам захотелось поэтому приравнять ее, скорее, к третьей фазе у девочек, то в качестве нового различия осталось бы то обстоятельство, что собственная личность мальчика не замещалась многими, неопределенными, посторонними [детьми], и менее всего – множеством девочек. Ожидание какого-то полного параллелизма оказалось, таким образом, обманутым.

Мой материал, основанный на мужских случаях, охватывал лишь немногих лиц, у которых инфантильная фантазия битья не сопровождалась бы каким-либо иным тяжелым нарушением сексуальной деятельности; большинство, напротив, следовало обозначить как подлинных мазохистов в смысле сексуального извращения. Это были те, кто находил сексуальное удовлетворение исключительно в онанизме, сопровождавшемся мазохистскими фантазиями, или же

те, кому удалось таким образом сцепить мазохизм и генитальную деятельность, что при мазохистских инсценировках и таких же условиях они добивались эрекции и эякуляции или оказывались способны провести нормальное половое сношение. Кроме того, был еще один более редкий случай: мазохисту в его перверсивной деятельности мешали навязчивые представления, возникавшие с невыносимой напористостью. У удовлетворенных извращенцев редко бывает причина обращаться к анализу; но для трех указанных групп мазохистов могут выдаться веские причины отправиться к аналитику. Мазохистский онанист находит себя абсолютным импотентом, если он в конце концов все-таки попробует осуществить сношение с женщиной, а тот, кто до сих пор осуществлял сношение, прибегая к помощи представлений и инсценировок, может внезапно сделать для себя открытие, что это столь удобное для него сочетание ему заказано и гениталии не реагируют больше на мазохистское раздражение. Мы привыкли с уверенностью обещать выздоровление психическим импотентам, попадающим нам в руки, но даже в этом прогнозе мы должны были быть посдержанней до тех пор, пока нам не известна динамика расстройства. Это очень неприятная неожиданность – когда анализ вскрывает в качестве причины «чисто психической» импотенции какую-то отборную, возможно, издавна укоренившуюся, мазохистскую установку.

У этих мазохистов-мужчин открывается, однако, одно обстоятельство, которое заставляет нас до поры до времени не развивать аналогию с положением дел у женщины, но рассмотреть эту ситуацию самостоятельно. А именно: оказывается, что мужчины, как правило, ставят себя в мазохистских фантазиях, равно как и в инсценировках, необходимых для их реализации, на место женщины, – что, следовательно, мазохизм их совпадает с женственной установкой. Это легко доказать деталями фантазий; многие пациенты, однако, знают об этом и сами, высказывая это как некую субъективную достоверность. Здесь ничего не меняется и тогда, когда игровое убранство мазохистских сцен требует фиктивного характера какого-нибудь озорного мальчишки, пажа или ученика, который должен подвергнуться наказанию. А вот наказывающие лица, как в фантазиях, так и в инсценировках – это всякий раз женщины. Это довольно-таки сильно сбивает с толку; хотелось бы выяснить, основывается ли уже мазохизм инфантильной фантазии битья на подобной женственной установке.

* * *

Оставим в стороне труднообъяснимые обстоятельства мазохизма взрослых и обратимся к инфантильной фантазии битья лиц мужского пола. Здесь анализ наиболее раннего периода детства вновь позволяет нам сделать одно поразительное открытие: сознательная или осознаваемая фантазия, содержание которой – избивание матерью, не является первичной. У нее есть предварительная стадия, которая, как правило, бессознательна и содержание которой выражается следующим образом: я избиваюсь отцом. Эта предварительная стадия, таким образом, действительно соответствует второй фазе фантазии девочки. Известная и сознательная фантазия «я избиваюсь матерью» занимает место третьей фазы у девочки, в которой, как уже упомянуто, объектами избивания выступают какие-то неизвестные мальчики. Я не смог обнаружить у мальчика какую-либо предварительную стадию садистской природы, сопоставимую с первой фазой у девочки, но я не хочу высказывать здесь окончательного суждения в пользу отсутствия таковой, поскольку вижу возможность существования неких более сложных типов.

Быть объектом избивания в мужской фантазии, как я ее кратко и, надеюсь, не вводя никого в заблуждение, назову, означает также быть объектом любви в генитальном смысле, когда это последнее состояние понижается посредством регрессии. Бессознательная мужская фантазия, следовательно, первоначально звучала не «я избиваюсь отцом», как мы это только что предварительно постулировали, но, скорее, «я любим отцом». Посредством известного процесса она была обращена в сознательную фантазию «я избиваюсь матерью». Фантазия битья мальчика

является, таким образом, пассивной с самого начала, она действительно происходит от женственной установки по отношению к отцу. Как и женская [фантазия девочки], она тоже соответствует эдипову комплексу, но вот от ожидавшегося нами параллелизма между той и другой следует отказаться ради общности иного рода: в обоих случаях фантазия битья выводится из инцестуозной привязанности к отцу.

Для большей наглядности я добавлю здесь другие сходства и различия между фантазиями битья [лиц] обоих полов. У девочки бессознательная мазохистская фантазия идет от нормальной эдиповской установки, у мальчика от извращенной, избирающей объектом любви отца. У девочки фантазия имеет предварительную ступень (первую фазу), на которой избивание предстает в своем индифферентном значении и касается лица, вызывающего ревность и ненависть; у мальчика и то и другое выпадает, но именно это различие можно было бы устранить при каком-то более удачном наблюдении. При переходе к сознательной фантазии, замещающей [бессознательную], девочка сохраняет в неприкосновенности личность отца и, следовательно, пол избивающего лица; она, однако, меняет личность и пол избиваемого, так что в конечном счете оказывается, что некий мужчина избивает детей мужского пола; мальчик, напротив, меняет личность и пол избивающего, замещая отца матерью, и сохраняет в неприкосновенности собственную персону, так что в конечном счете лицо избивающее и лицо избиваемое оказываются разнополюми. У девочек изначально мазохистская (пассивная) интуиция обратилась благодаря вытеснению в садистскую, сексуальный характер которой весьма размыт, у мальчика она осталась мазохистской и в силу полового различия между избивающим и избиваемым лицами сохранила больше сходства с изначальной, имевшей генитальный смысл, фантазией. Мальчик благодаря вытеснению и переработке своей бессознательной фантазии избегает гомосексуальности; примечательным в его позднейшей сознательной фантазии является то, что своим содержанием она имеет женственную установку при отсутствии гомосексуального выбора объекта. Девочка, напротив, избегает благодаря тому же самому процессу требований любовной жизни вообще, в своих фантазиях воображает себя мужчиной, не делаясь сама по-мужски активной, и уже лишь в качестве зрителя присутствует при том акте, которым замещается у нее половой акт.

Мы с полным основанием можем допустить, что в результате вытеснения изначальной бессознательной фантазии изменяется не слишком многое. Все то, что для сознания оказывается вытесненным и замещенным, в бессознательном сохраняется и остается дееспособным. Иначе обстоит дело с эффектом регрессии на более раннюю ступень сексуальной организации. О ней мы вправе полагать, что она изменяет и положение дел в бессознательном, так что после вытеснения у обоих полов в бессознательном остается если и не (пассивная) фантазия быть любимым отцом, то все же мазохистская фантазия быть им избиваемым. Имеется достаточно признаков и того, что вытеснение достигло своей цели лишь очень несовершенно. Мальчик, который хотел избежать гомосексуального выбора объекта и не поменял свой пол, ощущает себя, тем не менее, в своей сознательной фантазии женщиной и наделяет бьющих женщин мужскими атрибутами и свойствами. Девочка, которая отказалась даже от своего пола и в целом гораздо более основательно провела работу вытеснения, но, тем не менее, не отделалась от отца, не доверяет избивание себе самой и, поскольку сама она превратилась в мальчика, объектами избивания оставляет, главным образом, мальчиков.

* * *

Я знаю, что описанные здесь различия между фантазиями битья обоих полов объяснены недостаточно, но не предпринимаю попытки распутать все эти сложности, проследив их зависимость от других факторов, потому что не считаю исчерпывающим сам материал наблюдения. Насколько его, однако, хватает, я хотел бы использовать этот материал для проверки двух

теорий, которые, противостоя друг другу, обе затрагивают отношение вытеснения к половому характеру и, каждая по-своему, изображают это отношение как весьма тесное. Я исхожу при этом из того, что всегда считал обе теории некорректными и вводящими в заблуждение.

Первая теория анонимна; много лет назад ее изложил мне один коллега, с которым мы тогда были дружны [Вильгельм Флисс]. Ее размашистая простота действует столь подкупающе, что остается лишь с удивлением вопрошать, отчего же с тех пор она оказалась представлена в литературе лишь какими-то отдельными намеками. Опирается она на бисексуальную конституцию человеческих индивидов и утверждает, что у каждого из них мотивом вытеснения выступает борьба между половыми характерами. Пол, развитый сильнее и преобладающий в личности, будто бы вытесняет в бессознательное душевное представительство подчиненного пола. Ядром бессознательного, вытесненным, у каждого человека оказывается наличествующее в нем противоположное. Это может обладать каким-то осязаемым смыслом лишь в том случае, если мы допустим, что пол человека определяется развитием его гениталий, – иначе будет неясно, какой же пол в человеке сильнее, и мы рискуем вывести то, что должно служить нам отправным пунктом исследования, из его результатов. Короче говоря, у мужчины бессознательное вытесненное сводится к женским инстинктивным импульсам; у женщины все наоборот.

Вторая теория – более недавнего происхождения; она согласуется с первой в том, что опять-таки изображает борьбу между двумя полами решающим фактором вытеснения. Во всем остальном она должна быть противопоставлена первой; опирается она не на биологические, а на социологические факты. Содержание этой теории «мужского протеста», сформулированной Альфредом Адлером, состоит в том, что каждый индивид будто бы не желает оставаться на неполноценной «женской линии» и стремится к единственно удовлетворительной мужской линии. Исходя из этого мужского протеста и делая обобщения, Адлер объясняет формирование характера и невроза. К сожалению, эти два процесса – несмотря на то, что они определенно должны быть разведены, – различаются Адлером столь неотчетливо, а факту вытеснения вообще уделяется столь мало внимания, что мы рискуем впасть в заблуждение, если попытаемся применить учение о мужском протесте к вытеснению. Я полагаю, что эта попытка привела бы к тому, что мужской протест, стремление сойти с женской линии, был бы понят как неизменный мотив вытеснения. Вытесняющее всегда оказывалось бы тогда мужским инстинктивным импульсом, вытесненное – женским. Однако и симптом оказался бы результатом какого-то женского импульса, поскольку мы не можем отказаться от той точки зрения, согласно которой характер симптома определяется тем, что он выступает заменителем вытесненного, проведенным в жизнь наперекор вытеснению.

Проверим теперь обе теории, общей чертой которых является, так сказать, сексуализация процесса вытеснения, на примере исследовавшейся здесь фантазии битья. Изначальная фантазия «я избиваюсь отцом» соответствует у мальчика женственной установке, являясь, следовательно, выражением его противоположной предрасположенности. Если она подвергается вытеснению, тогда первая теория, берущая за правило то, что противоположное совпадает с вытесненным, оказывается, по-видимому, верной. Однако нашим ожиданиям мало соответствует то обстоятельство, что сознательная фаза, всплывающая после свершившегося вытеснения, опять-таки обнаруживает женственную установку, только на сей раз – по отношению к матери. Нам, впрочем, не хотелось бы углубляться в сомнения там, где решение лежит так близко. Изначальная фантазия девочки «я избиваема (то есть – любима) отцом» все же определенно соответствует, в качестве женственной установки, преобладающему, явному ее полу: она, следовательно, в соответствии с данной теорией, должна избежать вытеснения, ей нет нужды становиться бессознательной. В действительности, однако, она таковой становится и замещается сознательной фантазией, отклоняющей очевидный половой характер [фантазирующей]. Теория эта, таким образом, бесполезна для понимания фантазий битья и ими опровергается. Тут

можно было бы возразить, что те, у кого возникают эти фантазии битья, и кто испытывает подобную судьбу, являются именно женоподобными мальчиками и мужеподобными девочками, или что ответственность за возникновение пассивной фантазии у мальчика и ее вытеснение у девочки следует возложить на черты женственности в мальчике и мужественности в девочке. Мы бы, наверное, согласились с подобной точкой зрения, но постулируемое соотношение между явным половым характером и отбором того, что предназначается для вытеснения, оказалось бы из-за этого не менее несостоятельным. В сущности, мы видим лишь то, что у индивидов мужского и женского пола налицо как мужские, так и женские инстинктивные импульсы, которые в равной степени могут оказаться бессознательными в результате вытеснения.

Гораздо лучше, как кажется, выдерживает проверку на фантазиях битья теория мужского протеста. Как у мальчика, так и у девочки фантазия битья соответствует женственной установке, следовательно – пребыванию на женской линии, и оба пола спешат при помощи вытеснения этой фантазии отделаться от подобной установки. Впрочем, мужской протест достигает как будто полного успеха лишь у девочки: тут мы обнаруживаем прямо-таки идеальный пример действия мужского протеста. У мальчика результат не всецело удовлетворителен, женская линия им не покидается, в своей сознательной мазохистской фантазии мальчик определенно не оказывается «сверху». Это соответствует выводимому из данной теории ожиданию, если мы распознаем в этой фантазии некий симптом, возникший в результате того, что мужской протест потерпел неудачу. Нам, однако, мешает то обстоятельство, что возникающая в силу вытеснения фантазия девочки также имеет ценность и значение симптома. Но ведь именно здесь, где мужской протест полностью осуществил свой замысел, условия для образования симптома должны были бы отсутствовать.

* * *

Прежде чем на основании этой сложности мы выдвинем предположение о том, что вся концепция мужского протеста неадекватна проблемам неврозов и извращений, что ее применение к ним не принесет никаких плодов, мы переведем свое внимание с пассивных фантазий битья на другие инстинктивные манифестации детской сексуальной жизни, которые равным образом подлежат вытеснению. Ведь никто не может сомневаться в том, что имеются и такие желания и фантазии, которые с самого начала придерживаются мужской линии и представляют собой выражение мужских инстинктивных импульсов – например, садистские тенденции или же выводящееся из нормального эдипова комплекса влечение мальчика к своей матери. Столь же мало сомнений вызывает и то, что их также постигнет вытеснение; если мужской протест с успехом мог объяснить вытеснение пассивных – позднее мазохистских – фантазий, то именно поэтому он совершенно бесполезен применительно к прямо противоположному случаю фантазий активных. Это означает, что учение о мужском протесте вообще несовместимо с фактом вытеснения. Лишь тот, кто готов отбросить все психологические завоевания, которые были сделаны начиная с первого катартического лечения Брейера [случай Анны О.] и благодаря ему, может надеяться на то, что принцип мужского протеста приобретет какое-то значение для объяснения неврозов и извращений.

Психоаналитическая теория, опирающаяся на наблюдение, твердо настаивает на том, что мотивы вытеснения не могут сексуализироваться. Ядро душевного бессознательного образует архаическое наследие человека, и процессу вытеснения подлежит в нем то, что всегда должно оставаться позади при продвижении к дальнейшим фазам развития как несовместимое с новым или непригодное и даже вредное для него. Этот отбор в одной группе влечений удастся лучше, нежели в другой.

Последние – сексуальные – влечения, в силу особых обстоятельств, на которые уже много раз указывалось, способны расстроить замысел вытеснения и добиться того, чтобы их представляли какие-то нарушающие [психическое равновесие] заместительные образования. Поэтому подлежащая вытеснению инфантильная сексуальность является главной инстинктивной силой формирования симптомов, а существенная часть ее содержания, эдипов комплекс, – ядерным комплексом неврозов.

Сексуальные отклонения

Факт половой потребности у человека и животного выражают в биологии тем, что у них предполагается «половое влечение». При этом допускают аналогию с влечением к принятию пищи – голодом. Соответствующего слову голод обозначения не имеется в народном языке; наука пользуется словом «либидо».

Общепринятая теория полового влечения больше всего соответствует поэтической сказке о разделении человека на две половины – мужчину и женщину, – стремящихся вновь соединиться в любви, поэтому получается впечатление большой неожиданности, когда слышишь, что встречаются мужчины, сексуальным объектом которых является не женщина, а мужчина, и женщины, для которых таким объектом является не мужчина, а женщина. Таких лиц называют извращено сексуальными или, лучше, инвертированными, а самый факт – инверзией. Число таких лиц очень значительно, хотя точно установить его затруднительно.

Эти лица ведут себя в различных направлениях различно.

а) Они абсолютно инвертированы, т. е. их сексуальный объект может быть только одного с ними пола, между тем как противоположный пол никогда не может у них быть предметом полового желаяния, а оставляет их холодными или даже вызывает у них половое отвращение. Такие мужчины оказываются благодаря отвращению неспособными совершить нормальный половой акт или при выполнении его не испытывают никакого наслаждения.

б) Они амфигенно инвертированы (психосексуальные гермафродиты), т. е. их сексуальный объект может принадлежать как одинаковому с ним, так и другому полу; инверзия, следовательно, лишена характера исключительности.

в) Они случайно инвертированы, т. е. при известных внешних условиях, среди которых на первом месте стоят недоступность нормального полового объекта и подражание. Они могут избрать сексуальным объектом лицо одинакового с ними пола и в таком сексуальном акте получить удовлетворение.

Инвертированные проявляют далее различное отношение в своем суждении об особенностях своего полового влечения. Одни из них относятся к инверзии как к чему-то само собой понятному, подобно тому, как нормальный относится к проявлению своего либидо, и энергично отстаивают ее равноправие наряду с нормальным. Другие же возмущаются фактом своей инверзии и ощущают ее как болезненную навязчивость.

Другие вариации касаются временных отношений. Особенность инверзии существует у индивида с давних пор, насколько хватает его воспоминаний, или она проявилась у него только в определенный момент до или после половой зрелости. Этот характер сохраняется на всю жизнь или временно исчезает или составляет отдельный эпизод на пути нормального развития. Он может также проявиться в позднем возрасте по истечении длительного периода нормальной половой деятельности. Наблюдалось также периодическое колебание между нормальным и инвертированным сексуальным объектом. Особенно интересны случаи, в которых либидо меняется в смысле инверзии после того, как был приобретен мучительный опыт с нормальным сексуальным объектом.

Эти различные ряды вариаций в общем существуют независимо один от другого. Относительно крайней формы можно всегда утверждать, что инверзия существовала уже с очень раннего возраста, и что лицо это вполне мирится с этой особенностью.

Много авторов отказались бы объединить в одну группу перечисленные здесь случаи и предпочли бы подчеркивать различие в пределах этой группы вместо свойственного всем группам общего; это зависит от предпочитаемого ими взгляда на инверзию. Однако, как ни верны такие разделения, все же необходимо признать, что имеется множество переходных ступеней, так что как бы само собой напрашивается расположение в ряды.

Первая оценка инверзии выразилась во взгляде, что она является врожденным признаком нервной дегенерации; это вполне соответствовало тому факту, что наблюдатели-врачи впервые встретились с ней у нервных больных или у лиц, производивших впечатление больных. Эта характеристика содержит два указания, которые необходимо рассматривать одно независимо от другого: врожденность и дегенерацию.

Относительно дегенерации возникает возражение, которое вообще относится к неуместному применению этого слова. Вошло в обычай относить к дегенерации всякого рода болезненные проявления не непосредственно травматического или инфекционного происхождения. Подразделение дегенератов, сделанное Магнап'ом, дало возможность в самых совершенных проявлениях нервной деятельности не исключать применения понятия дегенерации. При таких условиях позволительно спросить, какой вообще смысл и какое новое содержание имеется в оценке слова «дегенерация». Кажется более целесообразным не говорить о дегенерации:

1) в случаях, когда нет нескольких тяжелых отклонений от нормы; 2) в случаях, когда работоспособность и жизнеспособность в общем тяжело не пострадали.

Много фактов указывают на то, что инвертированные не являются дегенератами в этом настоящем смысле:

1. Инверзия встречается у лиц, у которых не наблюдается никаких других серьезных отклонений от нормы.

2. Также у лиц, работоспособность которых не нарушена, которые отличаются даже особенно высоким интеллектуальным развитием и этической культурой.

3. Если не обращать внимания на пациентов врачебного опыта и стараться охватить более широкий кругозор, то в двух направлениях встречаешься с фактами, исключаящими взгляд на инверзию, как на признак дегенерации.

а) Нужно принимать во внимание, что у древних народов на высшей ступени их культуры инверзия была частым явлением, почти институтом, связанным с важными функциями; б) она чрезвычайно распространена у многих диких и примитивных народов, между тем как понятие дегенерации применяется обыкновенно к высокой цивилизации (J. J. Bloch). Даже среди цивилизованных народов Европы климат и раса имеют самое большое влияние на распространение инверзии и на отношение к ней.

* * *

Относительное врожденное предрасположение к сексуальным отклонениям можно сказать следующее. Вполне понятно, что врожденность приписывают только первому, самому крайнему классу инвертированных, на основании уверений этих лиц, что ни в какой период жизни у них не проявлялось никакого другого направления полового влечения. Уже самый факт существования двух других классов, специально третьего, трудно соединить со взглядом о врожденном характере инверзии. Поэтому защитники этого взгляда склонны отделить группу абсолютно инвертированных от всех других, что имеет следствием отказ от обобщающего взгляда на инверзию. Инверзия по этому взгляду в целом ряде случаев имеет врожденный характер; а в других случаях она могла бы развиваться иным способом.

В противоположность этому взгляду существует другой, согласно которому инверзия составляет приобретенный характер полового влечения. Взгляд этот основывается на следующем: 1) у многих (также абсолютно) инвертированных можно открыть действовавшее в раннем периоде жизни сексуальное впечатление, длительным последствием которого оказывается гомосексуальная склонность; 2) у многих других можно указать на внешние благоприятствующие и противодействующие влияния жизни, приведшие раньше или позднее к фиксации инверзии (исключительное обращение в среде одинакового пола, совместный военный поход, содержание в тюрьме, опасности гетеросексуального общения, целибат, половая слабость и

т. д.); 3) что инверзия может быть прекращена при помощи гипнотического внушения, что было бы удивительным при врожденном ее характере.

С точки зрения этого взгляда можно вообще оспаривать несомненность возможности врожденной инверзии. Можно возразить, что более подробные расспросы в случаях, которые относятся к врожденной инверзии, вероятно, также открыли бы переживание в раннем детстве, предопределившее направление либидо; это переживание не сохранилось только в сознательной памяти лица, но при соответствующем воздействии можно вызвать воспоминание о нем. По мнению этих авторов, инверзию следовало бы считать частым вариантом полового влечения, предопределенным некоторыми внешними условиями жизни.

Эта, по-видимому, утвердившаяся уверенность теряет почву от возражения, что многие люди испытывают, несомненно, подобные же сексуальные влияния (также в ранней юности: соращения, взаимный онанизм), не ставши вследствие этого инвертированными или не сделавшись ими навсегда. Таким образом, возникает предположение, что альтернатива: врожденный и приобретенный – или не полна, или не совсем соответствует имеющимся при инверзии обстоятельствам.

Однако ни положение, что инверзия врожденна, ни противоположное ему, что она приобретается, не объясняют сущности инверзии. В первом случае нужно выяснить, что именно в ней врожденного, если не принять самого грубого объяснения, что у человека при рождении имеется уже связь полового влечения с одним определенным сексуальным объектом. В противном случае спрашивается, достаточно ли разнообразных случайных влияний, чтобы объяснить возникновение инверзии без того, что в самом индивиду не шло кое-что навстречу этим влияниям. Отрицание этого последнего момента, согласно нашим прежним указаниям, недопустимо.

Для объяснения возможности сексуальной инверзии со времен Frank Lydstone, Kiernan и Chevalier пользуются ходом мыслей, содержащим новое противоречие общепринятому мнению. Согласно этому мнению, человек может быть или мужчиной, или женщиной. Но науке известны случаи, в которых половые признаки кажутся стертыми и благодаря этому затрудняется определение пола – сначала в области анатомии. Гениталии этих лиц соединяют в себе мужские и женские признаки (гермафродитизм). В редких случаях оба половых аппарата развиты один наряду с другим (истинный гермафродитизм); чаще всего находится двойное уродство.

Замечательно в этих ненормальностях то, что они неожиданным образом облегчают понимание ненормального образования. Известная степень анатомического гермафродитизма принадлежит норме; у каждого нормально устроенного мужского и женского индивида имеются зачатки аппарата другого пола, сохранившиеся как рудиментарные органы без функции или преобразовавшиеся и взявшие на себя другие функции.

* * *

Взгляд, вытекающий из этих давно известных анатомических фактов, состоит в допущении первоначального бисексуального предрасположения, переходящего в течение развития в моносексуальность с незначительными остатками другого пола.

Весьма естественно было перенести этот взгляд на психическую область и понимать инверзию в различных ее видах как выражение психического гермафродитизма. Чтобы решить вопрос, не доставало только постоянного совпадения инверзии с душевными и соматическими признаками гермафродитизма.

Однако это ожидание не оправдалось. Зависимость между предполагаемым психическим и легко доказуемым анатомическим гермафродитизмом нельзя представить себе такой тесной. Часто у инвертированных наблюдается вообще понижение полового влечения и незначитель-

ное анатомическое уродство органов. Это встречается часто, но никоим образом не всегда или хотя бы в большинстве случаев. Таким образом приходится признать, что инверзия и соматический гермафродитизм в общем не зависят друг от друга.

Далее придавалось большое значение так называемым вторичным и третичным признакам и подчеркивалось, что они часто встречаются у инвертированных. И в этом есть большая доля правды, но нельзя забывать, что вторичные и третичные половые признаки вообще встречаются довольно часто у другого пола и образуют таким образом намеки на двуполость, хотя половой объект не проявляет при этом изменений в смысле инверзии.

Психический гермафродитизм вылился бы в более телесные формы, если бы параллельно инверзии полового объекта шли, по крайней мере, изменения прочих душевных свойств, влечений и черт характера в смысле типичных для другого пола. Однако подобную инверзию характера можно встретить с некоторой регулярностью только у инвертированных женщин. У мужчин с инверзией соединяется полнейшее душевное мужество. Если настаивать на существовании душевного гермафродитизма, то необходимо прибавить, что в проявлениях его в различных областях замечается только незначительная противоположная условность. То же относится и к соматической двуполости; по Halban'у, единичные уродливости органов и вторичные половые привычки встречаются довольно независимо друг от друга...

Что касается учения о бисексуальности, то в своей самой грубой форме оно формулировано одним из защитников инвертированных мужчин следующим образом: женский мозг в мужском теле. Однако нам неизвестны признаки «женского мозга». Замена психологической проблемы анатомической в равной мере бессильна и не оправдываема. Объяснение, предложенное Krafft-Ebing'ом, кажется более точно выраженным, чем Ulrich'a, но по существу ничем от него не отличается. V. Krafft-Ebing полагает, что бисексуальное предрасположение награждает индивида как мужскими и женскими мозговыми центрами, так и соматическими половыми органами. Эти центры развиваются только в период наступления половой зрелости, большей частью под влиянием независимых от них по своему строению половых желез. Но к мужским и женским «центрам» применимо то же, что и к мужскому и женскому мозгу, и, кроме того, нам даже неизвестно, следует ли нам предполагать существование ограниченных частей мозга («центры») для половых функций, как, например, для речи.

Две мысли все же сохраняют свою силу после всех этих рассуждений: что для объяснения инверзии необходимо принимать во внимание бисексуальное предрасположение, но что нам только неизвестно, в чем, кроме анатомической его формы, состоит это предрасположение, и что дело тут идет о нарушениях, касающихся развития полового влечения. Так, теория психического гермафродитизма предполагает, что половой объект инвертированных противоположен объекту нормальных. Инвертированный мужчина не может устоять перед очарованием, исходящим от мужских свойств тела и души, он сам себя чувствует женщиной и ищет мужчину.

Но хотя это и верно по отношению к целому ряду инвертированных, это далеко не составляет общего признака инверзии. Не подлежит никакому сомнению, что большая часть инвертированных мужчин сохраняет психический характер мужественности, обладает сравнительно немногими вторичными признаками другого пола и в своем половом объекте ищет в сущности женских психических черт. Если бы было иначе, то оставалось бы совершенно непонятным, для чего мужская проституция, предлагающая себя инвертированным, – теперь, как и в древности, – копирует во всех внешних формах платья и манеры женщин; ведь такое подражание должно было бы оскорблять идеал инвертированных. У греков, у которых в числе инвертированных встречаются самые мужественные мужчины, ясно, что не мужественный характер мальчика, а телесное приближение его к женскому типу, так же как и женские душевные свойства его, робость, сдержанность, потребность в посторонней помощи и в наставлении, разжигали любовь в мужчине. Как только мальчик становился взрослым, он не был уже больше половым объектом для мужчины, а сам становился любителем мальчиков. Сексуальным объектом,

следовательно, в этом, как и во многих других случаях, является не тот же пол, а соединение обоих половых признаков, компромисс между душевным движением, желающим мужчину и желающим женщину при сохранении условия мужественности тела (генеталий), так сказать отражения собственной бисексуальной природы.

Более определенными оказываются отношения у женщины, где активно инвертированные, особенно часть из них, обладают соматическими и душевными признаками мужчины и требуют женственности от своих половых объектов, хотя и здесь, при более близком знакомстве, вероятно, окажется большая пестрота отношений...

Важный факт, который нельзя забывать, состоит в том, что сексуальную цель при инверзиях никоим образом нельзя называть однородной. У мужчин половое общение *per anum* далеко не совпадает с инверзией; мастурбация также часто составляет исключительную цель и ограничения сексуальной цели – вплоть до одних только излияний чувств – встречаются здесь даже чаще, чем при гетеросексуальной любви. И у женщин сексуальные цели инвертированных разнорядны; особенным предпочтением, по-видимому, пользуется прикосновение слизистой оболочкой рта.

* * *

Хотя мы не чувствуем себя в силах дать удовлетворительное объяснение образованию инверзии на основании имеющегося до сих пор материала, мы замечаем, однако, что при этом исследовании пришли к взгляду, который может приобрести для нас большее значение, чем разрешение поставленной выше задачи. Мы обращаем внимание на то, что представляли себе связь сексуального влечения с сексуальным объектом слишком тесной. Опыт со случаями, считающимися ненормальными, показывает нам, что между сексуальным влечением и сексуальным объектом имеется спайка, которой нам грозит опасность не заметить при однообразии нормальных форм, в которых влечение как будто бы приносит от рождения с собой и объект. Это заставляет нас ослабить в наших мыслях связь между влечениями и объектом. Половое влечение, вероятно, сначала не зависит от объекта и не обязано своим возникновением его прелестям. Было бы безосновательно утверждать, что благодаря этим прекрасным опытам учение об инверзии приобретает новое основание и преждевременно ждать от них прямо нового пути к общему «излечению» гомосексуальности. W. Fliess вполне правильно подчеркнул, что эти экспериментальные опыты не обесценивают учения об общем бисексуальном врожденном предрасположении высших животных. Мне кажется скорее вероятным, что дальнейшие исследования подобного рода дадут прямое подтверждение предполагаемой бисексуальности.

Теория либидо

Анализ перверзий и психоневрозов убедил нас в том, что сексуальное возбуждение возникает не только из так называемых половых частей, но из всех органов тела. Мы выработали себе понятие о либидо, как о меняющейся количественной силе, которая может измерять все процессы и превращения в области сексуального возбуждения. Это либидо мы отличаем от энергии, которую следует положить вообще в основу душевных процессов, в отношении ее особого происхождения, и этим приписываем ей также особый качественный характер. Отделением либидинозной психической энергии от другой мы выражаем наше предположение, что сексуальные процессы организма отличаются от процессов питания организма особым химизмом. У нас, таким образом, возникает представление об определенном количестве либидо, психически представленное, как мы говорили, я-либидо, продукция которого, увеличение или уменьшение, распределение и сдвиг, должна дать нам возможность объяснить наблюдаемые психосексуальные феномены.

Но аналитическое исследование этого «я-либидо» становится доступным только тогда, когда это либидо нашло психическое применение, чтобы привязаться к сексуальным объектам, т. е. превратиться в объект-либидо. Мы видим тогда, «как оно концентрируется на объектах, фиксируется на них или оставляет эти объекты, переходит с них на другие и с этих позиций направляет сексуальную деятельность индивида, которая ведет к удовлетворению, т. е. частичному, временному потуханию либидо. Психоанализ так называемых неврозов перенесения (истерия, невроз навязчивости) дает нам возможность убедиться в этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.